

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ ДИДРО

В. П. Волгин

В истории развития передовой общественной мысли во Франции XVIII в. одно из самых значительных мест принадлежит «Энциклопедии». В статьях «Энциклопедии» по социальным и политическим вопросам можно отметить известные оттенки мнений, неизбежные в большом авторском коллективе, далеко не однородном по своим воззрениям. Так, положения, выдвинутые Руссо в его статье «Economie politique», несомненно, не вполне соответствовали взглядам на тот же предмет Дидро и его ближайших сотрудников. Известно также, что авторы статей «Энциклопедии» были вынуждены иногда из цензурных соображений прикрывать свои подлинные взгляды изъяснением «благонамеренных» мыслей. Известно, наконец, что над многими статьями «Энциклопедии» серьезно поработал цензорский карандаш издателя. Тем не менее у основной группы авторов «Энциклопедии», писавших на политические темы,— Дидро, д'Аламбера, де Жокура — была определенная политическая концепция, которую они стремились внушить читателям и которая, несомненно, до читателей доходила. Энциклопедисты весьма высоко ценили Монтескье и часто его цитировали. В связи со смертью Монтескье они посвятили оценке его заслуг большую вступительную статью в пятом томе «Энциклопедии». Многими своими сторонами политическая теория «Энциклопедии» близка теории Монтескье. Тем не менее политические статьи «Энциклопедии» представляют совершенно самостоятельный интерес; они не только популяризируют идеи общественного договора, народного представительства, народного суверенитета и ограничения королевской власти, но в ряде пунктов дают им новое обоснование и делают из них новые выводы.

Ведущая роль в этой большой работе принадлежит, несомненно, крупнейшему французскому философу-материалисту XVIII в. Дени Дидро. Он был автором многих статей «Энциклопедии» на социально-политические темы, принимал самое активное участие в редактировании статей, написанных другими авторами. Характеристика социально-политических идей основного ядра «Энциклопедии» и характеристика социально-политических идей Дидро не могут быть отделены одна от другой. Статьи Дидро в «Энциклопедии» — основной для нас источник. Но Дидро высказывал свои взгляды по социальным и политическим вопросам не только в «Энциклопедии». Для полного и всестороннего их понимания исключительно ценный материал дают такие произведения Дидро, как «Добавление к «Путешествию» Бугенвиля» или «Опровержение книги Гельвеция». Мы считаем целесообразным рассмотреть их в тесной связи и параллельно со статьями Дидро в «Энциклопедии», не выделяя их в особый раздел.

Монтескье в своей основной работе «Дух законов» мало останавливался на общих вопросах естественного права, естественного состояния. Его больше интересовала конкретная история конкретных человеческих обществ. Было бы неправильно считать, что составителям «Энциклопедии» этот интерес к конкретному совершенно чужд; мы увидим в дальнейшем, как много внимания уделяли они истории политических учреждений Франции. Однако общая теория государства и общества занимает в «Энциклопедии» гораздо больше места, чем в «Духе законов».

Основным понятием политической теории «Энциклопедии» является «природа» человека. Свойственное общественной мысли XVIII в. понимание «природы» дано в «Энциклопедии» в типической форме. При всех ошибках разума, при всех извращениях чувства и воли в человеке можно выделить его «естественное» существо с его нормальными потребностями и стремлениями. Это естественное в человеке, эта его «истинная» природа соединена в общественном человеке с чертами исторического происхождения, с чертами, приданными человеку социальными отношениями, историческим развитием. Но истинная природа человека все же всегда присутствует и служит основой того, что есть общего в человеческих установлениях. Общее, природное в человеке предшествует созданию писанных законов, но оно остается в силе и в последующие периоды истории человеческого общества, ибо конституция человека остается одной и той же на всех этапах общественного развития.

Из природы человека, понимаемой в указанном выше смысле, могут быть выведены путем дедукции основные принципы общественной жизни, которые мыслители XVIII в. именуют «естественными законами». Чем ближе люди придерживаются этих естественных законов, тем совершеннее общество, тем лучше его законодательство. «Кодекс природы» — самый могучий кодекс, он начертан в глубине нашего сознания. Естественный закон — неизменный закон, которым мы должны руководствоваться в своих действиях¹.

Нам очевидна сейчас вся ненаучность, вся антиисторичность этой теории. Метафизично и произвольно ее исходное понятие вечной и неизменной природы человека; рационалистичен ее метод — метод дедукции из а priori данных аксиоматических понятий. Но, оценивая теорию естественного права с точки зрения ее исторической роли в XVIII в., не следует забывать, что в этот период она являлась орудием борьбы против феодального порядка и абсолютной монархии, орудием освобождения умов от исторически сложившихся традиций. Противопоставленное праву положительному, естественное право приобретало в годы подготовки буржуазной революции большое прогрессивное значение.

Состояние человечества, в котором оно живет, повинуюсь лишь своей природе, мыслители XVIII в. обычно называли естественным состоянием. Естественное состояние есть некоторая абстракция, как и естественный человек. Однако эта абстракция имеет тенденцию превратиться в характеристику определенного периода в жизни человечества — ее догосударственного периода. В «Энциклопедии» можно найти немало мест, восхваляющих первобытные нравы, невинность первобытного состояния, противопоставляющих простые добродетели естественного человека порокам цивилизованных обществ². В естественном состоянии, говорит Дидро, люди не знают государственной власти. Они все равны между собой и пользуются полнейшей независимостью³. В их отношениях вовсе не все сводится к силе, и у них есть сознание справедливости и несправедливости поступков. Справедливость более древнее понятие, чем закон.

Замечательную иллюстрацию к теории естественного состояния дает Дидро в упомянутом уже нами «Добавлении к «Путешествию» Бугенвиля». Центральное место в этом произведении занимает рассказ о быте и нравах таитян — одна из самых ярких утопий XVIII века. Рассказ дается как неопубликованный отрывок из записей известного французского путешественника Бугенвиля, опубликовавшего в 1771 г. отчет о своем кругосветном путешествии, но это литературный прием, который мог ввести в заблуждение лишь очень наивных людей. В действительности это художественный очерк, явно преследующий пропагандистские цели. Дидро, в сущности, вовсе и не старается этого скрыть.

¹ См. «Encyclopédie». Vol. IX. Loi naturelle.

² R. Hubert. Les sciences sociales dans l'Encyclopédie, p. 170—171.

³ «Encyclopédie». Vol. XV. Souverains.

«Таитяне,— говорит Дидро,— находятся у начала мира, а европейцы у конца его»⁴. Расстояние, отделяющее их от нас, больше, чем расстояние от новорожденного ребенка до дряхлого старца. В противоположность сложной жизни европейских обществ их дикая жизнь проста. Дикари невинны и кротки, пока нет угрозы их безопасности. Иногда они жестоки, но это объясняется необходимостью повседневной защиты от диких зверей. Самое глубокое чувство у дикарей — чувство свободы. Они не могут понять наших нравов и наших законов, в которых они видят лишь различные формы стеснения свободы. Таитяне — самый дикий из народов, народ, строго придерживающийся законов природы; они ближе к хорошему законодательству, чем любой из цивилизованных народов. Грубое и дикое естественное состояние природной анархии — выше цивилизации. Приезд на Таити европейцев послужил толчком к разложению добрых нравов таитян. До знакомства с европейцами слово «собственность» имело у таитян очень ограниченный смысл. По существу, у них все было общим. Сообща производили они сельскохозяйственные работы, все они составляли как бы единую семью, руководствующуюся двумя надежнейшими правилами: общим благом и интересом отдельных членов. Среди них царил полная свобода половых сношений, детей и стариков содержало общество, выделяя на это одну шестую часть своих доходов⁵.

Утопия Дидро очень близка по своим основным тенденциям к коммунистическим теориям и фантастическим романам XVIII в. (Мабли, Морелли). Не только общее настроение, но и некоторые детали в «Добавлении к «Путешествию» Бугенвиля» напоминают о соответственных описаниях в «Базилиаде» Морелли⁶. Не приходится удивляться, что другое произведение Морелли, «Кодекс природы», в XVIII в. приписывали Дидро, причем с такой уверенностью, что даже включили «Кодекс» в одно из собраний его сочинений (Лондон, 1773).

Однако причислять Дидро к представителям утопического коммунизма было бы неправильно. «Золотой век» естественного состояния, по его мнению, невозвратим, как невозвратимо детство для человека, достигшего старости. Развитие человечества Дидро, как и Руссо, представляет как аналогию развития человека. На жизненном пути человечества есть некая ступень, на которой в наибольшей степени обеспечено счастье человека. Эта ступень находится где-то между «детством» дикаря и нашим старческим «увяданием», более близко к дикому состоянию. Но я не знаю, говорит Дидро, как это счастье сохранить, или как к нему вернуться⁷. Легче стать более культурным, чем отказаться от порядков цивилизации⁸. Иногда Дидро склонен даже иронизировать над мечтами о таком возвращении: мне слишком трудно раздеться донага или облачиться в звериную шкуру⁹.

Дидро не разделял представления Руссо о естественном состоянии как совокупности индивидов, совершенно лишенных социальных связей, живущих совершенно изолированно. Он был твердо убежден в том, что люди созданы, чтобы жить в обществе. «Способности человека, его естественные склонности, его слабости, его потребности являются доказательством намерений творца»¹⁰. Авторы политических статей «Энциклопедии» выводили образование общества из присущего человеку инстинкта общности. «Общественность» как свойство человека предшествует даже семье, этой первой общественной ячейке. Но, признавая наличие моральных законов и инстинкта общности в естественном состоянии, Дидро

⁴ Д. Дидро. Соч. Т. II. М.-Л. 1935, стр. 41.

⁵ См. там же, стр. 58, 67, 73.

⁶ См. «Naufrage des îles flottantes» ou «Basiliade». Т. I, p. 16 и сл.

⁷ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 306.

⁸ См. там же, стр. 75.

⁹ См. там же, стр. 252.

¹⁰ «Encyclopédie». Vol. XVII. Société.

вместе с тем подчеркивает роль личного интереса в образовании общества. Люди не могут обойтись без взаимной помощи, они объединяются в общество, чтобы иметь больше шансов на успех в борьбе с природой. Общество возникает в результате разумного расчета. Люди ищут более счастливого состояния, нежели состояние естественное¹¹. «В обществе человек находит удовлетворение большей части своих потребностей»¹². Между естественным порядком и порядком государственным нет резкой грани. Основное отличие государственного порядка, политического союза людей составляет организация общественной власти и создание охраняемых этой властью законов. Создание государства и законов также обусловлено естественными причинами, природой человека, и в нем нет внезапности. Это длительный процесс, завершением которого является договор, образующий власть.

Интересно, что, характеризуя процесс, приводящий к образованию государства, Дидро делает попытку связать его с материальными условиями существования общества. Чтобы придти к политической организации общества, люди должны были в течение длительного времени пройти большой путь — от простого собирания плодов земли к охоте и рыболовству, от охоты и рыбной ловли — к скотоводству, и, наконец, от скотоводства — к хлебопашеству. До перехода к хлебопашеству люди вели кочевой образ жизни. Только земледелие делает их оседлыми. Оно приводит к разделу земли, к установлению собственности, к разделению труда. Оно делает, наконец, неизбежным создание общественного договора. «Земледелие, — говорит Дидро, — рождается одновременно с законами и обществом»¹³. Для земледелия нужно было поделить землю, чтобы упрочить владение участком земли, нужна была собственность. Так возникает потребность в политической организации. Переход к земледелию имел неисчислимые последствия для политической и социальной жизни.

В «Энциклопедии» общественный договор, в сущности, не создает общества, а придает ему лишь определенную организационную политическую форму. В соответствии с этим общественный договор рассматривается авторами и редакцией «Энциклопедии» не столько как соглашение между индивидами, входящими в политическое общество, сколько как соглашение между народом и тем или теми, кому народ вручает власть. Поскольку по природе люди свободны и равны, власть не может исходить от природы, говорит «Энциклопедия», она может быть создана либо путем насилия, либо путем договора¹⁴. Договор, во всяком случае, служил для энциклопедистов необходимым логическим дополнением теории естественного состояния.

При заключении договора не происходит полного подчинения личности государству, но каждому все же приходится поступиться частью своей естественной независимости и подчиниться воле, представляющей волю всего общества и служащей центром единения всех волей и всех сил. Таково происхождение власти государей. Эту власть управлять обществом вручила государям воля народов. Их права основаны лишь на согласии народов. Те, кто захватил власть силой, — не более как узурпаторы, хотя народы и могут своим согласием узаконить их правление. Люди соглашаются потерять некоторую долю своей свободы и своего равенства; цель законодателя, отняв у людей возможно меньше равенства и свободы, дать им возможно больше обеспеченности и счастья¹⁵. Гражданин — член свободного объединения семей, разделяющий его права и пользующийся его преимуществами¹⁶. Существуют неотъемлемые права граждан,

¹¹ Там же. Т. IX. *Législateur*.

¹² Там же. Т. XV. *Société*.

¹³ Там же. Т. I. *Agriculture*.

¹⁴ Там же. Т. V. *Droit naturel*.

¹⁵ Там же. Т. IX. *Législateur*.

¹⁶ Там же. Т. III. *Citoyen*.

права, логически предшествующие договору; при подчинении государству граждане сохраняют за собой эти права, от которых никогда не отступают; их должна уважать всякая власть.

Власть, вытекающая из соглашения, предполагает условия, которые делают ее применение законным и ограничивают ее пределы. Оформлен ли договор должным образом или нет, безразлично: он всегда предлагается как основа власти суверена. Ведь люди объединяются в общество только ради того, чтобы быть более счастливыми. Общества избирают себе государей только ради возможно более надежной охраны счастья.

Суверен не может употребить свою власть на то, чтобы уничтожить самый акт, дающий ему существование. Нарушение договора восстанавливает свободу народа заключить новый договор с кем он пожелает. Всякая власть ограничена законами природы и государства, ибо «без закона нет власти и нет закона, который давал бы неограниченную власть». Государь подчинен основным законам и не имеет права ими пренебрегать, ибо они могут быть изменены лишь по формальному решению всей нации. Ни один народ не мог и не хотел предоставить государям власть править по произволу. Если государь самовольно нарушает основные законы и притязает на произвольную власть, он становится деспотом. Если законодательство нарушает естественные права граждан, для них вступает в силу естественный закон. Власть не есть собственность того или иного лица, даже когда она наследственна в пределах одной семьи.

Таковы, по Дидро, основные принципы здорового правления — принципы, вытекающие из «природы человека». Однако действительность далека не соответствует этим принципам. Изучив все политические, гражданские, религиозные учреждения, говорил Дидро, вы убедитесь в том, что история человечества на протяжении веков представляла историю его угнетения кучкой мошенников¹⁷. Законодатели заботятся о своих интересах, а не об интересах народа. Правители злоупотребляют своей властью, попирают законы, заменяя их своими страстями, угнетают народы. Они заслуживают имени тиранов, каково бы ни было происхождение их власти. Они заключают союз с самыми развращенными людьми и делают их своими министрами. Они находятся в постоянной войне со своими подданными, они боятся добродетельных граждан. Чтобы объяснить это противоречие между тем, что должно быть согласно теории естественного права, и тем, что есть в действительности, Дидро прежде всего указывал на «извращения» природы человека. В человеческой природе, говорит он, есть что-то роковое: люди постоянно стремятся расширить свою власть. Какие бы преграды ни старалось выдвигать перед ними благоразумие народов, честолюбие и сила всегда преодолевали или обходили эти преграды. У государей есть всегда перевес над народами¹⁸.

Дидро понимает, что этот «перевес» порочных правителей над народами, к тому же иногда проявляющими «благоразумие», требует объяснения. Как и другие философы-материалисты XVIII в., он не в состоянии подняться до материалистического понимания исторического процесса вообще и развития государства в частности. Естественно, что он ищет ответ на вопрос об условиях возникновения и существования деспотической власти в фактах идеологического порядка. Реальная сила, говорит Дидро, всегда принадлежит подданным. Сила правительства всегда создается «мнением». Авторитет мнения укрепляет власть меньшинства над большинством. Иногда это мнение основано на представлении о реальном праве царствующей семьи на трон, иногда на представлении о величии угнетающей силы, иногда на религии. «Мнение», служащее опорой всякой власти, переходит в дальнейшем в привычку¹⁹.

¹⁷ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 82.

¹⁸ «Encyclopédie». Vol. XV. Souverains.

¹⁹ Там же. Т. IX. Législateur.

В образовании и утверждении «мнения», противоречащего естественным правам человека, большую роль отводит Дидро влиянию религии, ее суевериям и морали. Тиранам выгоден союз с религией: им выгодно отвращать людей моралью, противоречащей природе, создавать пугающие их призраки, чтобы таким образом превращать свободного естественного человека в раба. Три кодекса применяются в человеческих обществах: религиозный, гражданский и кодекс природы. Из них религиозный, по всей вероятности, вовсе излишен и даже опасен. Наиболее опасные безумцы те, которых делает безумцами религия. Гражданский кодекс должен быть лишь выражением закона природы, ибо природа — наш верховный законодатель. Но религиозные установления, укрепляясь, становятся гражданскими и государственными, а гражданские, получая освящение церкви, превращаются в религиозные. Так создаются звенья той цепи, которая сковывает человечество²⁰.

Дидро и его сотрудники по «Энциклопедии», как мы видим, настойчиво и последовательно пропагандируют идею народного суверенитета, хотя они и применяют термин «суверен» к правителю, к государю²¹. Теория «божественного происхождения власти» и есть для них, очевидно, один из примеров освящения гражданских установлений церковью и превращения их в установления религиозные, один из «пугающих людей призраков». Дидро истолковывал эту теорию как своеобразный политический миф, служащий укреплению власти государя. Государь — образ бога на земле, утверждала официальная доктрина. Государь — лицо, в котором народ пожелал видеть образ бога на земле, утверждал Дидро.

Признание народного происхождения всякой власти отнюдь не равнозначно, впрочем, для Дидро признанию необходимости демократического строя. Народ может передать власть определенной семье с правом наследования (Англия), пожизненно одному лицу (Польша), на краткий срок (Римская республика). Когда верховная власть находится в руках одного человека, она именуется монархией. У многих народов власть государей не имеет точных границ, хотя и там она подчинена основным законам государства. Это называется самодержавием. Некоторые народы ограничивали власть тех, кому они вверили управление. В качестве образца такой ограниченной монархии «Энциклопедия», как и все политические писатели того времени, конечно, приводит Англию. «Когда верховная власть находится в руках самого народа, она принадлежит ему во всем объеме и недоступна никаким ограничениям». Такая форма правления именуется демократией, но в чьих бы руках ни была верховная власть, она должна иметь целью счастье народа²².

Следуя за Монтескье, Дидро и другие авторы политических статей «Энциклопедии» утверждали, что конкретные формы правления зависят от внешней среды (климата), нравов и предрассудков народов. Не существует правления, лучшего для всех. Республика — подходящий образ правления для небольшого государства; для обширного больше подходит монархия. Расширение границ государства обычно лишает граждан свободы, ведет к укреплению власти немногих или одного; в больших империях чаще всего устанавливается деспотия. Никакое правительство не вечно; каждый его шаг есть шаг к смерти. Лучшая форма правления та, существование которой наиболее длительно и спокойно; бессмертных форм правления нет²³.

Несмотря на все рассуждения об относительности и условности преимуществ тех или иных форм правления, Дидро в некоторых статьях достаточно ясно выражал свои политические взгляды, симпатии и антипатии. Такова, например, статья Дидро «Нравы». Дидро считал нравы

²⁰ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 38—39.

²¹ Например, «Encyclopédie», vol. XV, Souverains.

²² Там же.

²³ Там же. Т. III. Citoyen.

одним из факторов, обуславливающих форму правления, но форма правления, по его мнению, в свою очередь, оказывает определяющее воздействие на нравы. В республике, говорит Дидро, царят простота нравов, религиозная терпимость, умеренность, бережливость, дух расчета, ибо республика может жить только на основе хозяйственной деятельности. В ограниченной монархии, где гражданин принимает участие в управлении государством, выше всего ценится свобода, ради защиты которой граждане готовы считать войну незначительным злом, подданные горды, великодушны, просвещенны в науке и в политике, никогда не забывают о своих привилегиях. В абсолютной монархии, где тон задают женщины, отличительные черты подданных составляют амбиция, страсть к удовольствиям, тщеславие, изнеженность. Так как эта форма управления порождает праздность, то она, развращая нравы праздностью, заменяет их учтивостью манер. Вряд ли читатель мог сомневаться в сочувствии автора статьи к республике и особенно к ограниченной монархии. Вряд ли читатель мог не заметить тона пренебрежительного осуждения, с которым автор говорит об абсолютизме, недвусмысленно намекая при этом на характерное для французской монархии XVII—XVIII вв. влияние на управление фавориток («тон задают женщины») ²⁴.

Повторяя данную Монтескье схему форм правления, «Энциклопедия» к одной из них относится резко отрицательно. Эта форма — деспотизм. Теоретически «Энциклопедия» отличает «деспотизм» как правление, основанное на произволе, от «монархии» — правления, определяемого и ограничиваемого основными законами. Это характерное для оппозиционных писателей XVIII в. различие давало им возможность под именем «деспотизма» подвергать весьма откровенной критике абсолютизм, прикрываясь в то же время от возможных обвинений ссылками на свое уважение к французской «монархии», как правлению, основанному будто бы на законах. Именно такое значение удобной фикции имел термин «деспотизм» и для «Энциклопедии». Во всяком случае, Дидро зачастую употреблял этот термин как синоним самодержавия, абсолютизма и монархии.

Дидро считает, что деспотизм плох даже и тогда, когда это деспотизм «просвещенного монарха». «Самодержавное управление просвещенного монарха, — говорит Дидро, — всегда дурно. Его положительные черты — самое опасное и самое вредное из обольщений». Добрый, справедливый и просвещенный деспот в конечном счете опаснее злого; он приучает народ любить и почитать повелителя; и народ переносит эти чувства на его преемника, как бы зол и туп последний ни был. «Для народа одним из величайших несчастий были бы два или три последовательных царствования справедливых, кротких, просвещенных, но самодержавных правителей: счастливое управление довело бы народ до полного забвения своих привилегий, до окончательного рабства» ²⁵. Эти выпады против теории «просвещенного абсолютизма» как будто не оставляют никакого сомнения в отрицательном отношении Дидро к этой теории, находившей среди «просветителей» XVIII в. немало сторонников. Однако последовательности в проведении этой точки зрения мы у него не находим. В «Энциклопедии» (в том числе и в статьях самого Дидро) не раз встречаются восхваления «добраго короля» Генриха IV. Такие восхваления, характерные для французской политической литературы XVIII в., были, по существу, одним из приемов критики последующих царствований, и «Энциклопедия», очевидно, не считала целесообразным от этого приема отказываться.

Деспотизм всегда опирается не на договор, а на насилие, хотя бы это насилие и было прикрываемо не имеющими юридической силы традициями или воображаемым божественным происхождением. Горе тем народам, у которых уничтожили всякую мысль об их свободе. Деспота характеризует не доброта или злость, а объем его власти, произвол его правления.

²⁴ Там же. Т. X. Moeurs.

²⁵ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 245.

Самодержавное управление отнимает у народов право обсуждать, хотеть или не хотеть, право в случае надобности противиться воле государя. Народ при деспотизме превращается в стадо. С его желаниями не считаются, прикрываясь тем, что его гонят на жирные пастбища. При деспотизме у граждан нет отечества²⁶.

Содержание и способ применения основных законов должны изменяться вместе с изменениями в самом обществе. Гражданские и государственные законы создавались в прошлом под определяющим влиянием религии. Но религии постепенно увядают. Это — безумие, которое не может устоять перед просвещением. Дидро верит в прогресс человеческого разума, в грядущие успехи просвещения, а следовательно, и в установление более разумных общественных порядков: заблуждение проходит и уступает место другому заблуждению, которое тоже проходит. Но раз зародившаяся истина и истина, которая за ней следует, — это две истины, которые пребудут²⁷. Как это ни странно, но Дидро как будто не замечал противоречия между этой верой в прогресс и учением о преимуществах естественного состояния и об «увядании» цивилизованных человеческих обществ.

В просвещенные века, говорит Дидро, народам нельзя внушить предрассудки, противные человеческому праву и законам природы. Теперь уже нельзя основать законодательство на заблуждениях. Дидро убежден, что прогресс разума — верное средство борьбы против всех бед общества. Он верит в грядущее «царство разума»²⁸. С течением времени с помощью истины можно добиться всего, чего требует благо человечества. «Я не знаю, как это происходит, но под конец истина побеждает, и это всегда так будет». Дидро представлял себе, что победа истины требует борьбы. Но реального характера этой борьбы как борьбы классов он не понимал; для него это борьба людей прогресса, сторонников просвещения с защитниками тьмы и невежества. «О, исключительные люди, которым природа дала в удел гений и мужество, — восклицает он, — ваш жребий обеспечен: вас ожидает долгая память и благословения, которым никогда не будет конца. О, завистливые, невежественные люди! О, лицемерные, жестокие, трусливые люди! Ваш жребий тоже обеспечен: вас ожидает проклятие веков...»²⁹.

Дидро, конечно, знал, что перемены правления не всегда происходят мирным путем. История дает нам, говорит он, бесчисленные образцы правителей-притеснителей, примеры попрания законов и восстаний народов. Бывают случаи, когда терпение народов истощается. Развращенная воля государя способна разрушить счастье подданных, и иногда обуздать его могут только противопоставленные ему единодушная воля и сила народа.

Деспот, поработав своих подданных, сгибает деревья, которые в конце концов, выпрямившись, разможат ему голову. Недовольство не всегда ограничивается ропотом, от настроения недалеко до решимости действовать. При деспотической власти природа и разум восстанавливают свои права протестовать против насилия. И Дидро со всей решительностью оправдывает такое сопротивление. Право сопротивления, говорит он, иногда законно: без него подданные — стадо. «Власть, основанная на насилии, насилием же и свергается»³⁰.

Не подлежит сомнению, что восстание против деспотизма Дидро считал при известных условиях необходимым. Не подлежит сомнению также, что, осуждая деспотизм, он выступал, по существу, против француз-

²⁶ «Encyclopédie». Vol. XII. Patrie.

²⁷ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 324.

²⁸ «Мы знаем теперь, — говорит по этому поводу Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18).

²⁹ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 322.

³⁰ «Encyclopédie». Vol. XIII. Propriété.

ской монархии, что для него французская монархия — конкретный случай деспотического правления. Но вытекающего из этих положений вывода о необходимости революции во Франции Дидро избегает. Вплотную подводя читателя к этому выводу, он предоставляет ему самому сделать последний шаг на этом опасном пути. Возможно, конечно, что эта сдержанность Дидро в вопросе о революции в известной степени объясняется политической осторожностью. Но, с другой стороны, в произведениях Дидро и в статьях «Энциклопедии» можно найти немало мест, свидетельствующих о неуверенном, опасливом отношении к общественным потрясениям. Дидро считает долгом разумных людей выступать против нелепых законов до тех пор, пока эти законы не будут преобразованы. Но он явно имеет в виду только мирную пропаганду: пока законы еще существуют, им необходимо повиноваться. «Гораздо лучше быть безумцем с безумцами, чем мудрецом в одиночку»³¹. На случай смут «Энциклопедия» дает гражданину весьма двусмысленный совет: «Во времена смут гражданин примкнет к людям, защищающим установленную систему; при разрушении системы он последует за согражданами своего города, если они единодушны; если же они разрознены, он присоединится к тем, кто стоит за всеобщее равенство и свободу». Весьма вероятно, что для автора статьи основной ее смысл состоял в совете присоединиться к борцам за свободу и равенство. Но первые строки фразы — при всех скидках на цензурные условия — звучат все же весьма уклончиво³².

Если формы правления зависят от конкретных условий, то, очевидно, приведенная выше чисто рационалистическая теория возникновения власти не может дать непосредственного ответа на вопрос о наилучшей форме правления для данной страны в данный момент ее существования. Чтобы получить такой ответ, необходимо знать конкретную историю этой страны. Иными словами, политические требования должны быть обоснованы не только логически, с точки зрения природы человека, но и исторически. Статьи «Энциклопедий» и исторические заметки Дидро несомненно стремятся дать такое историческое обоснование политическим требованиям прогрессивной французской буржуазии середины XVIII века. В политических построениях «Энциклопедии» абстрактная, естественно-правовая аргументация дополняется аргументацией исторической.

В вопросе о происхождении французского государства «Энциклопедия» примыкает не к романистической теории Дюбо, обосновывающей абсолютную монархию, а к германистической схеме, разделявшей большинство французских историков того времени, в том числе и Монтескье. Первоначальное франкское общество — чистая демократия. Возникшая затем франкская монархия имела основные законы, в существе своем представлявшие соглашения между народом и властью. Власть монарха была ограничена. Право завоевания принадлежало при покорении Галлии не королевской власти, а всему коллективу завоевателей; в результате завоевания победители-франки стали говорить от имени всего народа. Таково историческое происхождение прав дворянства, обосновывавшего их своей ролью в обороне страны.

Но в дальнейшем знать мало-помалу утратила свои функции, а следовательно, и свои исторические права. Выросло значение торговли и промышленности. Смягчились нравы. Современное государство не есть государство, организованное исключительно для войны. Дворянство не является более единственным классом, призванным защищать государство. Его престиж падает, его правление не уважают. Его претензии представлять нацию кажутся уже ничем не оправданными.

Если «Энциклопедия» не способна была дать ясный и четкий ответ на вопрос о наиболее целесообразном пути политического преобразования, то

³¹ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 84.

³² «Encyclopédie». Vol. IX. Loi naturelle.

на вопрос о наиболее желательной для данного момента форме правления она отвечала вполне определенно. В современной большой стране, говорит де Жокур, «наилучшей формой монархии представляется наследственная ограниченная монархия; независимо от ее устойчивости, важно то, что законодательный корпус состоит из двух частей, сдерживающих одна другую взаимной властью помешать»³³. «Ни один человек, — рассуждает Дидро, — как бы ни был он просвещен, не способен управлять целой нацией без совета и без помощи». Нация должна быть представлена перед монархом, какой-то орган должен говорить от ее имени. Эту роль не могут уже выполнять ни знать, ни парламент. «Ни одно сословие в государстве не может обладать способностью или волей знать нужды других». Ни одно не может поэтому претендовать на особое благоволение законодателя. Ни одно сословие не должно угнетать другое, а это неизбежно произошло бы, если бы это сословие имело исключительное право решать за всех³⁴.

Необходимо, чтобы все граждане могли выражать свои пожелания, не чиня беспорядка, чтобы они имели своих представителей, то есть граждан более просвещенных, чем другие, более заинтересованных в общественном деле. В совете нации все должны быть выслушаны, так как все принимают участие в образовании и сохранении государства.

В своей критике Гельвеция Дидро утверждает, что республика — единственный вид общества, которое может дать счастье. Наиболее полезной частью общества он признает бедняков: обремененные непосильными тяготами, именно они возделывают землю, именно они доставляют зрелства существования для высших сословий. Не следует, однако, на основании этих слов Дидро считать его последовательным сторонником демократии. «Демократическое правительство, — говорит Дидро, отождествляя демократию с прямым народовластием, — предполагает согласие воли, а согласие воли предполагает, что люди собраны на довольно небольшом пространстве». Поэтому «я полагаю, что могут существовать только небольшие республики»³⁵. Так Дидро приходит к тому выводу, что в большом государстве демократия невозможна и что республиканский порядок всегда непрочен. В изображаемой Дидро системе народного представительства нет полного равноправия граждан. В числе требований, которые он предъявляет к народному представителю, имеется требование, чтобы «владение приковывало его к родине». Очевидно, лица, лишенные владения, не могли, по его мнению, быть и представителями. Защищаемое Дидро «народное» представительство есть представительство «цензовое». Ограниченная монархия, которую проповедают энциклопедисты, есть, согласно их исторической концепции, прямая наследница старой абсолютной монархии. Они считают нужным подчеркнуть, что по своему историческому происхождению французская монархия не есть деспотия. Но монархия легко вырождается в деспотию. «Энциклопедия», хотя и с большой осторожностью, старается внушить читателям посредством многочисленных намеков, что такое вырождение монархии имеет место в современной им Франции. И они стремятся доказать, что историческая традиция, по существу, на их стороне, а не на стороне их противников — идеологов абсолютной монархии, «божьей милостью» прикрывающих насилие и произвол юридическими и религиозными фикциями.

Мы уже упоминали об одном из основных положений общественной философии «Энциклопедии»: люди, соединяясь в общество, ищут более счастливого состояния, нежели состояние естественное; общественная организация имеет целью увеличить возможную сумму благополучия и счастья своих членов³⁶. В статье «Законодатель» это положение получает

³³ Там же. Т. X. Monarchie limitée.

³⁴ Там же. Т. XIV. Représentants.

³⁵ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 256; «Encyclopédie». Vol. XIII. Privilège.

³⁶ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 96—97; «Encyclopédie». Vol. IX. Législateur.

оригинальную трактовку, выводящую автора за пределы буржуазного общественного кругозора. Для приближения общества к его цели законодательство, какова бы ни была форма правления, должно при всяких обстоятельствах стремиться к тому, чтобы заменить дух собственности духом общности (*esprit de communauté*). Народы, у которых господствует дух общности, меньше чувствуют утрату преимуществ естественного состояния, равенства и независимости. Граждане в таких странах не рабы, а друзья законов. Они понимают, что, вредя обществу, они неизбежно наносят вред самим себе, ибо благо отдельных лиц тесно связано с общим благом. Любовь к отечеству — их единственная страсть; она гасит возможные раздоры между ними. Каждый гражданин видит в другом лишь полезного члена государства; все, дружные и довольные, стремятся к общему благу. Любовь к отечеству возвышает души граждан над мелкими интересами и наделяет их энтузиазмом перед добродетелью. Люди, среди которых царит дух общности, не сожалеют о том, что они подчинили свою волю общей воле.

В изложенных рассуждениях понятие «дух общности» имеет весьма неопределенное содержание. Во всяком случае, «общность» не означает здесь общности имущества. Однако далее в статье следует пример, который с несомненностью свидетельствует о сочувствии автора коммунистическому порядку. В качестве образца законов, располагающих граждан ко взаимным услугам, гуманным привычкам, к духу общности, автор указывает на законы Перу³⁷.

«Законы Перу, — говорит он, — стремились соединить граждан узами человечности; в то время как законодательства других стран запрещают причинять друг другу зло, в Перу они предписывают неустанно творить добро. Эти законы, устанавливая (насколько это возможно вне естественного состояния) общность имущества, ослабляли дух собственности — источник всех пороков. Самыми лучшими днями, торжественными днями были в Перу те дни, когда обрабатывалось общественное поле, поле старика или сироты. Тот, кому в виде наказания запрещалось работать на общественном поле, считал себя несчастнейшим человеком. Каждый гражданин трудился для всех граждан, сносил плоды своего труда в государственные амбары и в награду получал плоды трудов других граждан».

Осуждение собственности и восхваление общности имущества, содержащиеся в статье «Законодатель», составляют интересную параллель «гаитянской» утопии Дидро. Отметим кстати, что перуанские порядки отнесены здесь не к естественному состоянию, как порядки Таити в «Добавлении к «Путешествию» Бугенвиля», а к состоянию организованного общества. Сопоставление этих произведений, написанных в разные годы (том IX «Энциклопедии» со статьей «Законодатель» вышел в 1765 г., а «Добавление» было написано в 1772 г.), дает основание прийти к выводу о прочности сомнений Дидро в достоинствах порядка, основанного на частной собственности, о силе его интереса к идее коммунизма. Стоит подчеркнуть, что он считал законы, проникнутые духом общности, возможными, ибо они были уже осуществлены в действительности в западном полушарии, то есть в Перу. Однако дальнейшего развития эта мысль у Дидро не получает; никаких конкретных мероприятий, которые вели бы к общности имущества, он в своей статье не предлагает.

Дидро — горячий сторонник равенства граждан перед законом, враг сословных привилегий. Но он, обсуждая перспективы будущего, высказывается, как и другие писатели из группы «Энциклопедии», прогив «химеры абсолютного равенства». Когда состояние распределено между гражданами пропорционально их трудам и их усилиям, их неравенство

³⁷ Интересно, что такое же восхваление порядков Перу как образца, доказывающего своим существованием возможность коммунизма, находим мы и в «Базилиаде» Морелли («Naufrage des îles flottantes» ou «Basiliade». Т. I, p. XXXLII).

носит, по мнению Дидро, законный характер³⁸. С другой стороны, он против «чрезмерного богатства» и эксплуатации. Он считает, что счастье человека — в «среднем состоянии», в умеренном достатке. Он считает неудовлетворительным положение работника в современном ему обществе, даже в том случае, если работник имеет возможность, умеренно работая, удовлетворять повседневные потребности своей семьи. «Всякое положение,— говорит он,— при котором человек не смеет заболеть, не рискуя впасть в нищету, есть дурное положение. Всякое положение, которое не обеспечивает человека на старости лет, есть дурное положение. Если мелкий люд забывает о страшной перспективе больницы или смерти на нее без тревоги, то это потому, что он доведен до отупения».

Государство должно заботиться об улучшении положения бедных; хорошее правительство должно главным образом иметь в виду судьбу работников, говорит Дидро, предвосхищая Сен-Симона. Дидро понимает и оправдывает ненависть к существующим порядкам земледельцев, несущих на себе самые тяжелые работы, содержащих своим трудом высшие сословия и вынужденных довольствоваться самым скудным питанием³⁹. Он осуждает злоупотребления и тяжесть податей, падающих главным образом на крестьянство, ратует за справедливое распределение налогов, выступает защитником интересов крестьян.

«Неравномерное распределение,— говорит Дидро,— разделяет народ на два класса, из коих один переобременен избытком, а другой вымирает от нищеты». «Чем более приблизятся к равенству в потребностях и имущества, тем более спокойным будет государство»⁴⁰. Однако уравнивательные законы, направленные на то, чтобы воспрепятствовать накоплению богатств путем регулирования наследования и высоких налогов, Дидро считал вредными для развития промышленности и торговли. Такие меры нарушают свободу и могут вызвать застой в науках, искусствах и вообще в усовершенствовании человеческого духа. Единственный налог на роскошь, который заслуживал его одобрения,— это налог на челядь, не затрагивавший производства и падавший преимущественно на дворянство.

Защита «экономической свободы» в цивилизованном обществе, естественно, связана у Дидро с восхвалением «почтенной профессии купца» и с защитой принципа частной собственности, которую он, как мы видели, в плане абстрактных рассуждений подчас весьма решительно осуждал. «Принудительная уступка плодов моего труда,— говорит Дидро,— нарушает право собственности и уничтожает охоту трудиться»⁴¹. Самое плохое управление, какое только можно вообразить,— это такое управление, при котором отсутствует свобода экономической деятельности, ибо люди могут быть трудолюбивы только тогда, когда они свободны. Именно поэтому «Энциклопедия» решительно осуждала привилегированные компании, а также пехи как особый вид монополии, стеснявший торговлю и ремесло, поддерживавший рутину и недобросовестность, вредные для интересов народа. Как мы видим, экономические взгляды Дидро, весьма противоречивые, неся на себе явный отпечаток влияния физиократов⁴².

«Законное неравенство», говорит Дидро, не может иметь пагубных последствий, если только деньги не получают чрезмерного значения, если они не определяют положения человека в обществе. Для устранения чрезмерного уважения к деньгам Дидро предлагал реформу административного порядка, выходящую за пределы экономической политики: устано-

³⁸ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 289.

³⁹ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 316—317; «Encyclopédie». Vol. VIII. Homme.

⁴⁰ «Encyclopédie». Vol. III. Citoyen.

⁴¹ Д. Дидро. Соч. Т. II, стр. 289—291, 318.

⁴² Известно, что Дидро, не занимаясь сам специально экономическими вопросами, весьма сочувственно относился к пропаганде физиократов. В «Энциклопедии» был напечатан ряд статей Кенэ и Тюрго, а основным сотрудником по экономическим вопросам был Форбонне, талантливый ученик Гурнэ (R. Hubert. Les sciences sociales dans l'Encyclopédie, p. 286).

вить замещение всех общественных должностей по конкурсу. Доступ к самым высшим постам должен быть открыт для всех достойных людей. Рост почтения к личным достоинствам людей, к их воспитанию будет содействовать улучшению нравов и смягчению неравенства в распределении богатств.

Эта мера, конечно, весьма наивная как средство смягчения неравенства, представляет несомненный интерес с другой точки зрения. В предложении Дидро нельзя не видеть своеобразного отражения настроений, широко распространенных в среде французской буржуазии XVIII века. Культурные представители буржуазии чувствовали себя в это время вполне способными занимать все государственные должности. Между тем многие должности были буржуазии недоступны, а законодательство последних лет монархии отнюдь не обнаруживало тенденции идти в этом отношении навстречу пожеланиям буржуазии. Требование доступа всех достойных к государственным должностям, требование равенства в этом отношении было одним из самых популярных и настоятельных требований буржуазии.

Так Дидро, отказавшись от коммунистической утопии «естественного состояния», приходит к буржуазной утопии исцеления общества от крайностей неравенства и эксплуатации не только без отмены права частной собственности, но и без его ограничения. Так вера в светлые перспективы грядущего «свободного» и «просвещенного» порядка побеждает в сознании Дидро те сомнения, которые возникали у него под влиянием наблюдений над жизнью рабочих и крестьянских масс и которые толкали его к идеализации «коммунистического» строя Таити и Перу.

«Энциклопедия», несомненно, в большой мере способствовала распространению во Франции новых политических идей. Мы находим в ней идею народного суверенитета, идею неотчуждаемых прав личности, народного представительства, она решительно отменяет притязания старых привилегированных сословий. Но, с другой стороны, отсутствие последовательно демократических выводов из идеи народного суверенитета, тенденция не разрывать связи с исторической традицией французской монархии, идеализация «экономической свободы» — все эти черты, характерные для настроений политически сознательной буржуазии середины XVIII в., не могли не отталкивать от этой теории наиболее последовательных революционеров 1789—1793 годов. Можно считать несомненным влияние политических идей Дидро и «Энциклопедии» на буржуазные группировки Учредительного и Законодательного собраний, и в частности на жирондистов. На следующем этапе буржуазной революции, в пору ее наивысшего подъема, конституционная теория «Энциклопедии» должна была представляться безнадежно устарелой и вредной для дела революции. «Эта секта, — говорил об энциклопедистах Робеспьер в годы якобинской диктатуры — не стояла в политике на высоте народных прав». Резкий отзыв Робеспьера о политических идеях энциклопедистов был в его устах вполне правомерен. Тем не менее, оценивая вклад, внесенный «Энциклопедией» и самим Дидро в дело подготовки умов к буржуазной революции, мы должны признать этот вклад весьма значительным.